МЕСТО ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ В АНТИЧНОМ ГОРОДЕ: АКАДЕМИЯ ПЛАТОНА И ДОМ ПРОКЛА В АФИНАХ

А. С. Афонасина

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, Россия
afonasina@gmail.com

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-78-10001
«Образовательное пространство и антропопрактики
античного и современного города»

Основная цель данной работы заключается в создании цельной картины расположения и устройства Академии Платона и так называемого «Дома Прокла» в Афинах, который являлся одним из мест, где преподавали афинские неоплатоники в V–VI вв. н. э. Достижению этой цели способствует комплексное изучение как археологических, так и биографических письменных свидетельств. Данный подход, характерный для школы «Анналов», позволяет прикоснуться к бытовой стороне жизни и обеспечить исследователю и читателю более близкие отношения с изучаемым периодом. Именно в случае платоновской Академии и дома Прокла у нас имеется и достаточная материальная база, и свидетельства современников. Эти объекты были выбраны для изучения ещё и потому, что представляют собой два разных подхода к ведению философской жизни и способу передачи знания. Можно сказать, что мы видим здесь, с одной стороны, эволюцию образовательной системы от свободного рассуждения во время прогулки до более известного в современном мире лекционного варианта. С другой стороны, мы можем наблюдать в настоящий момент возвращение к первой версии системы в виде организации научной жизни вдали от густонаселённых центров городов в форме университетских кампусов.

Ключевые слова: топография Афин, Академия Платона, гимназий, перистиль, экседра, афинская школа неоплатонизма, Прокл, Марин, университет.

PHILOSOPHICAL SCHOOLS AND THEIR PLACE IN ANCIENT CITY: PLATO'S ACADEMY AND THE HOUSE OF PROCLUS IN ATHENS

Anna Afonasina

Novosibirsk National Research State University, Russia
afonasina@gmail.com

This work is dedicated to the history of Academy in Athens in early and late periods of its existence. I will first consider Academy in the time of Plato and then switch to the Athenian school of Neoplatonism ("the House of Proclus") in the period of late antiquity. Using both archaeological and written evidences, fortunately sufficient in case of both of these institutions, I intend to draw a picture of their physical location and structure. Such an attitude towards the history, typical to the *Annales* School, will help us to place intellectual life of the ancients in proper everyday context. There is one more reason why I have chosen these objects. One can say that these two institutions represent two different approaches to the way of life and the methods of education. On the one hand, one can see here the evolution of educational system from free discourses to more familiar for our educational system formal instructions. On the other hand, Plato's Academy reminds us of the contemporary tendency of organizing scientific life far from the densely populated cities in the form of university's campuses, which, to some extent, constitutes a return to the classical paradigm.

Keywords: topography of Athens, Plato's Academy, Gymnasium, Square Peristyle, exedra, Athenian school of Neoplatonism, Proclus, Marin, university.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-3-27-42

Часто в исследованиях, посвящённых образованию в античности, основное внимание уделяется социальной составляющей, а именно методам преподавания, статусу учителя и задачам ученика, выбору тем для дискуссий. Физическое устройство школы – форма здания, его расположение, близость к тем или иным важным постройкам – всё, что участвует в создании особой атмосферы, изучается крайне редко. С одной стороны, это понятно, ведь данный вопрос в случае античности относится по большей части к археологии. С другой стороны, важно, чтобы эта информация становилась частью историко-философских исследований, как принято в рамках школы «Анналов», ярчайшим представителем которой является Жак Ле Гофф, чьи работы посвящены не только повседневной жизни лю-

дей в средние века, но и осмыслению самого процесса появления города в этот период. Другое дело, что данная методология применяется по большей части в медиевистике и, по мнению Х. Туманса [Туманс 2002], не очень хорошо приживается на почве изучения античности, с чем я не вполне согласна. Когда мы изучаем антропопрактики в античности, то данная методология, с моей точки зрения, является наиболее подходящей и отвечающей основным запросам исследования. Через призму археологии может открыться специфика межличностных отношений внутри школы и многое другое. Для того, чтобы подтвердить эту мысль, давайте приступим к рассмотрению «физической» стороны вопроса о месте философских школ в античном городе и их структуре и увидим, как эти знания помогают дополнить наши представления об образовании в античности. Я хочу рассмотреть само «тело» школы Платона – тип постройки, выбор места, окружение – в разные периоды её жизни. Речь пойдёт в основном о раннем и позднем этапах, так как именно о них мы имеем более или менее достаточное количество информации.

Платоновская Академия как философская школа просуществовала три столетия, с начала 380-х годов и до 84/83 гг. до н. э., когда Сулла захватил Афины. Далее последовал довольно длительный период, когда Афины утратили статус научного центра и вновь обрели его уже с появлением в этом городе неоплатоников. История философских преемств и биографии философов – это отдельные темы, которые здесь будут затронуты лишь частично, в той мере, в какой это будет необходимо для описания домов, где проходили собрания философов. Изучение самих археологических памятников, которые и являются основным объектом данного исследования, важно потому, что они подтверждают некоторые письменные биографические свидетельства, а последние в свою очередь проливают свет на археологические артефакты. Поэтому данное исследование не может обойтись без биографии Прокла, хотя оно и посвящено в основном материальной стороне дела, а именно физическому устройству философских домов в Афинах.

I

Согласно Плутарху (*Сравнительные жизнеописания*, Сулла 12), платоновская Академия была разрушена из-за окружавшего её богатого лесного массива: «Так как многие машины выходили из

стройка – рушились под собственной тяжестью или сгорали, подожжённые зажигательными стрелами врагов, и потому не хватало леса, Сулла принялся за священные рощи: он опустошил Академию, самый богатый деревьями пригород, и Ликей» (пер. В. М. Смирин). Из этого описания мы узнаём, что Платон выбрал для своего учёного досуга место не в городе, но и не слишком удалённое от города, что обеспечивало философу уединение, необходимое для размышлений, а также было удобно с точки зрения погоды – летом в роще приятно прогуливаться даже во время жары, а зимой не слишком сыро. Из истории, рассказанной Элианом (III, 19) и её подробного рассмотрения в книге Дж. Диллона «Наследники Платона» [Диллон 2005, 14–19] очевидно следует, что прогулки (*peripatos*) были одной из основных форм ведения дискуссий в платоновской школе. Эта же форма была заимствована позже Аристотелем. Упомянутая Плутархом роща (или богатый деревьями пригород) носила имя легендарного героя Гекадема и находилась за городскими стенами, примерно в трёх километрах от Акрополя. Наверное, такое удаление от города должно было способствовать наилучшему сосредоточению и размышлению. Здесь уместно заметить, что дом Прокла, а вместе с ним и неоплатоническая школа, находился в самом центре Афин. Такое перемещение некоторые исследователи [Frantz et al. 1988, 44] связывают с возросшей важностью и престижем философского образования в поздней античности. Напротив, о Платоне и его школе мы узнаём по большей части из анекдотов: вспомним ироничный тон Элиана и истории таких комических поэтов, как Эпикрат и Алексид [Диллон 2005, 18]. Не является ли это ещё одним возможным ответом на вопрос, почему Платон выбрал для своей школы удалённое от города место? Возможно, что философу в IV в. до н. э. в городе было попросту неудобно: над ним могли подшучивать, как в случае с Сократом, и в целом не понимали, чем он по существу занимается. Можно предположить, что Платон не очень хотел афишировать свою деятельность. Конечно, роща всегда была публичным местом, и многие люди могли слышать, какие разговоры там ведутся, однако обучаться данному искусству мог не каждый. Расположение же домов учителей в центре города должно было, как упоминалось выше, свидетельствовать о признании данного вида деятельности со стороны государства; с другой стороны, оно давало возможность государству контролировать или наблюдать с близкого расстояния то, чем они занимаются и чему учат [Frantz et al. 1988, 46]. Поэтому не исключено, что Платон желал укрыться в роще Академа ещё и затем, чтобы

обеспечить себе некоторую степень независимости от властей и государственного контроля.

Чтобы понять, где именно жил Платон и его ученики, необходимо обратиться к данным археологии и сопоставить их с письменными свидетельствами.

Археологические находки, которые интерпретируются как остатки Академии, пребывают сегодня в весьма запущенном состоянии: никакого ограждения археологической зоны, много мусора и несколько информационных щитов. Что и говорить – это место всегда было публичным, таковым оно остаётся и по сей день. Академия располагалась в трёх километрах от афинского Акрополя в роще, носящей имя героя Гекадема. Сейчас это место называется *Archeologiko Parko Akadimias Platonos* и разделено на четыре части улицами Драконтас и Монастириу. Без информационных щитов непосвящённому зрителю здесь было бы нечего делать – остатки фундаментов зданий и беспорядочно (но это на первый взгляд) лежащие мраморные блоки. Однако благодаря письменным свидетельствам мы можем идентифицировать их назначение. Мы знаем, что на территории рощи находился гимназий. Согласно археологическим исследованиям, ещё в VI веке до н. э. в Афинах были построены три гимназия, один из них и стал местом, где начиная с середины 380 гг. до н. э. Платон стал проводить свои встречи с учениками и дискуссии. Сам гимназий почти не сохранился. То, что было найдено во время раскопок, является палестрой – это центральная часть гимназия, большой прямоугольный двор (46 на 23 м), окружённый длинными узкими внутренними помещениями. К сожалению, палестра датируется I веком до н. э. Был ли гимназий Платона такого же размера, сказать трудно. Однако никакого другого фундамента обнаружено не было. Это означает, что римский гимназий был возведён, скорее всего, на том же основании. Традиционно это место предназначалось для проведения тренировок по борьбе. Однако ничто не мешало проводить в палестре беседы со студентами. Подтверждением этому может служить найденный там же ряд оснований, предположительно для письменных столов. Из других важных находок, имеющих отношение к рассматриваемому периоду, стоит отметить голову бородатого Диониса, которая датируется VI веком до н. э., и основание колонны с изображением на нём всадником, атакующим поверженного гоплита (400–390 гг. до н. э.).

Недалеко от гимназия, на пересечении улиц Платона и Евклида обнаружены остатки фундамента квадратного перистила – двор,

сад или площадь, окружённые крытой колоннадой¹. Постройка размером примерно 40 на 40 м датируется IV веком до н. э. К её северо-западному углу примыкает основание здания размером 12,7 на 8,4 м с мощённым полом. Очертания квадратного перистилия напоминают другие афинские постройки, предназначенные для заседаний суда. В данном же случае очевидно, что оно было частью архитектурного комплекса гимназия и выполняло какие-то функции в рамках платоновской школы. Чтобы продвинуться дальше, нам следует сопоставить археологические данные с письменными свидетельствами и современными исследованиями.

Я считаю, что вполне возможно ассоциировать этот квадратный перистиль с тем, что в свидетельствах Диогена Лаэртia называется садом. Окружённое колоннами пространство размером 40 на 40 метров по современным меркам вполне заслуживает такого названия. Примыкающее к нему здание размером 12,7 на 8,4 м можно рассматривать как дом, в котором жил глава школы. Взятые вместе перистиль и комната должны были бы занимать около 2 тыс. квадратных метров или 0,5 акра. По мнению Дж. Диллона [Диллон 2005, 20–21] имущество Платона, которое передавалось по наследству, составляло не менее двух акров или чуть более 8 тыс. квадратных метров. Это то, что было приватной собственностью, в отличие от роши Академа, которая всегда оставалась публичным местом². Из свидетельства Диогена Лаэртia о преемнике Ксенократа Полемоне (DL IV 19) мы узнаём, что «жил он затворником в саду Академии, а ученики его селились вокруг, поставив себе хижины близ святилища Муз и крытой галереи»³: οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἐκπεπατηκῶς ἦν διατρίβων ἐν τῷ κήπῳ, παρ' ὃν οἱ μαθηταὶ μικρὰ καλύβια ποιησάμενοι κατ' ὥκουν πλησίον τοῦ μουσείου καὶ τῆς ἐξέδρας (пер. М. Л. Гаспарова). Во-первых, обратим внимание на то, что Полемон жил затворником в саду, то есть он имел возможность нахо-

¹ Само слово *περίουλος* означает «окружённый колоннами». Нас больше всего интересует, что именно было окружено колоннами. Словарь LSJ даёт несколько вариантов того, что это могло быть. Колоннада могла быть сооружена вокруг храма, а могла служить ограждением внутреннего двора дома. Часто перистиль определяется просто как некое место, окружённое колоннами. Я считаю, что ничто не мешало Диогену Лаэртию назвать садом внутренний двор квадратного перистилия.

² Согласно археологическим данным, вся территория роши могла иметь размеры 450 на 300 м, то есть 33 акра.

³ Экседра – это не всегда крытая галерея, я бы даже сказала, что это очень неточный перевод, который может ввести в заблуждение. В словаре архитектурных терминов экседра определяется как «полукруглая ниша большого размера, завершённая конхой, часто с сидениями вдоль стен. Экседра встраивалась в здание или сооружалась в виде отдельного павильона и служила местом для собеседований и отдыха» [Юсупов 1994, 412]. В эллинистический период появилась тенденция устанавливать свободно стоящие экседры [Ratté 1997, 181–182].

даться за каким-то ограждением, чтобы ему никто не мешал. Это первый аргумент в пользу того, что сад находился внутри перистилия. Во-вторых, ученики могли строить свои жилища вокруг сада, а именно за границей окружённого колоннадой пространства, и на территории, которая, по-видимому, тоже являлась частной. Это следует из наших расчётов. Если сам перистиль вместе с прилегающим к нему домом занимает примерно 0,5 акра, а Дж. Диллон предполагает, что наследуемое имущество составляло не менее двух акров, то на прилегающей к квадратному перистиллю территории вполне могло находиться святилище Муз, экседра (или крытая галерея) и поляна для временных жилищ. Таким образом, Полемон, как до него Платон и его преемники, мог жить в здании рядом с перистилем, сад находился внутри перистилия, а жилища учеников строились вокруг него. В самой роще стояло много разных святилищ, среди которых, вероятно, был и Мусейон.

Остаётся выяснить, где могла находиться экседра. Буквально это слово означает «скамья перед домом», но кроме этого экседрой могли называть полукруглое углубление в стене гимназия или отдельно стоящую постройку в виде полукруглой ниши с колоннами, иногда с полукруглой крышей [Юсупов 1994, 412]. Нам точно не известно, что из этого имел в виду Диоген Лаэртий. Но можно предположить, что это был примечательный объект, который служил в качестве некоторого ориентира. В книге Сюзанны фон Тюнген «Свободно стоящие греческие экседры» [Ratté 1997, 181–182] звучит мысль о том, что в эллинистический период в городах и парках стали появляться свободно стоящие экседры, которые поменяли облик и атмосферу в городе. Они могли служить в качестве посвящённых монументов, когда за изголовьем сидения ставились бюсты разных деятелей или богов. В этом плане они также выполняли функцию votive даров богам. Экседра в форме полукруглой скамьи была местом для почётных граждан во время шествий или фестивалей. Автор отмечает также, что появление экседр в эллинистический период придало энергии и трансформировало публичные места и святилища [Ratté 1997, 181–182]. Основываясь на этом материале я могу предположить, что экседра, которую упоминает Диоген Лаэртий, как раз и была тем новым типом архитектурного элемента парка, который начал активно появляться в эллинистический период. Я хочу сказать, что это была свободно стоящая экседра, где-то между гимназией и квадратным перистилем⁴. Расстояние

⁴ Местоположение экседры между перистилем и гимназией определяется тем, что остатки разных святилищ найдены именно рядом с гимназией. Из сообщения Диогена Лаэртия (IV 19) можно сделать вывод, что экседра находилась рядом со святилищем Муз.

между ними составляет примерно 150 метров. Часть этого пространства, по-видимому, была (как следует из вышеприведенных расчётов о размере участка, принадлежащего Платону) частной собственностью Платона и являлась тем местом, где ученики могли ставить свои хижины с расположенными рядом святилищем Муз и экседрой.

С одной стороны, можно было бы возразить, что уже почти сто лет ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что обсуждаемый парк называется Академией Платона. Однако только внимательное изучение письменных свидетельств и соотнесение их с археологическими данными позволяет свести всё в единую картину. А рассмотрение отдельных упомянутых архитектурных сооружений вносит дополнительный смысл и позволяет предположить, что с введением экседр в общественное пространство роцка Академа становится более посещаемым местом. Последнее приводит к тому, что возрастает интерес к разным философским темам, и способствует рождению новых философских дискурсов⁵. Так продолжалось до начала I века до н. э., пока Сулла не отдал приказ о вырубке деревьев в роцке Академа, которая в дальнейшем в качестве школы Платона уже не упоминается. Новый подъём Академия пережила уже в имперский период и в самом центре города.

II

Начиная с I века н. э. платонизм в разных своих проявлениях даёт о себе знать в Александрии, Риме, Апамее, а также в Афинах, куда приезжают учителя, получившие образование в других научных центрах. Постепенно этот город вновь становится оплотом платонизма. Новое институциональное оформление Академии в Афинах связано с именем местного аристократа Плутарха Афинского, который в V в. н. э. возродил Академию в своем частном доме в центре города [Шичалин 2008 а, 201–203; Шичалин 2008 б, 589]. По стечению обстоятельств это здание называется теперь «домом Прокла», о нём и пойдёт речь далее.

Прокл родился в Византии в 412 году, хотя нужно понимать, что наш основной источник – Марин – достаточно противоречив и не

⁵ Согласно недавнему исследованию Л. Я. Жмудя и А. Куприянова [Zhмud, Kouprianov 2018, 462–464], в котором они применили численный метод к изучению развития наук в античности, примерно с 300 г. до н. э. до 0 года наблюдается рост числа философов вообще и философов, занимающихся математическими изысканиями, в частности.

даёт окончательного ответа⁶. Будучи ребёнком Прокл переехал со своими родителями в Ксанфос и там в Ликии получил своё первое образование, которое продолжил в Александрии и Византии. В Афины Прокл прибыл в молодом возрасте, и провёл в городе всю оставшуюся жизнь. Сначала он был учеником Плутарха и его преемника Сириана, позже сам стал главой неоплатонической школы.

В случае с Проклом биографические свидетельства подтверждаются археологическими данными, которые в свою очередь могут быть корректно интерпретированы с помощью письменных источников. Используя эту информацию вместе, можно надеяться получить полную картину жизни и функционирования Афинской школы.

Марин (Прокл 29) рассказывает историю о том, как Прокл молился Асклепию в его храме, чтобы исцелить некую Асклепигению, и Асклепий ответил на его просьбу – девушка избавилась от боли. Марин добавляет, что в успешном исходе дела не малую роль сыграл дом, в котором жил Прокл, «и 'родитель' его Сириан и 'прародитель' Плутарх» (пер. М. Л. Гаспарова). Речь идёт о расположении дома «по соседству с храмом Асклепия, прославленным у Софокла, и с храмом Диониса, что возле театра, на виду и во всяческой близости к Акрополю самой Афины»: γείτονα μὲν οὖσαν τοῦ ἀπὸ Σοφοκλέους ἐπιφανοῦς Ἀσκληπιείου καὶ τοῦ πρὸς τῷ θεάτρῳ Διονυσίου, ὁρῶμένην δὲ ἢ καὶ ἄλλως αἰσθητὴν γιγνομένην τῇ ἀκροπόλει τῆς Ἀθηνᾶς (пер. М. Л. Гаспарова). По всей видимости Марин намеренно выбирает религиозные сооружения как наиболее подходящие ориентиры, что вполне понятно, так как Марин хотел обратить внимание на близкие отношения Прокла с божествами, особенно с Афиной и Асклепием.

В связи с описанием местоположения дома Прокла в зарубежной литературе некоторое время назад велись дискуссии по поводу последней части предложения в вышеприведенной цитате, а именно

⁶ Ученик Прокла Марин написал его биографию, которая выглядит практически как житие святого. Он сообщает (Прокл, или *О счастье* 35–36, пер. М. Л. Гаспарова), что Прокл умер в возрасте 75 лет на 124 году с момента правления императора Юлиана, то есть в 485 году, так как Юлиан начал править в 361. (В русском переводе допущены две ошибки, во-первых, там сказано на 24 году, правильно на 124 году, во-вторых, «после царствования», правильно с момента царствования, которое началось в 361). Кроме того, его смерть была отмечена двумя полными или почти полными солнечными затмениями: «насталась ночь среди дня и в глубоком мраке стали видны звезды» (37). Исследования показывают, что они произошли 14 января 484 года и 19 мая 486 года. Тем не менее, философ умер 17 апреля 485 года. Рождение Прокла закодировано Марином в виде гороскопа, достаточно точного, чтобы определить дату рождения 8 февраля 412 года, которая, однако, не сходится с возрастом жизни в 75 лет (если следовать Марину, то получится 74). О том, является ли это намеренной ошибкой или случайностью см. исследование [Jones 1999].

«на виду и во всяческой близости к Акрополю самой Афины». Предлагались разные варианты. Перечислю их здесь коротко⁷.

Розан [Rosán 1949, 30] считает, что эта фраза означает, что дом мог быть виден с Акрополя (“it could be seen or otherwise perceived from the Acropolis of Athena”). Франц [Frantz 1988, 43] думает, что Марин этой фразой хотел сказать, что дом мог быть виден или распознаваем тем, кто стоит на Акрополе, подчёркивая, что он был виден не слишком хорошо. Кастрен [Castrén 1991, 475] в своей рецензии на упомянутого автора считает, что дом Прокла мог быть плохо виден с Акрополя потому, что он был закрыт другими конструкциями. А Эдвардс [Edwards 2000, 104, n. 329] предположил, что дом стал виден с Акрополя только после разрушения храма Асклепия, предлагая при этом свой перевод данной фразы, как “seen, or if not it became visible, from the acropolis of Athena”. Идея могла бы быть весьма привлекательной для датировки разрушения храма, но почему Марин, упоминая об этом несколькими строками выше, просто не сказал, когда данное событие произошло? Предположению Эдвардса, с моей точки зрения, противоречит ещё одно наблюдение. Дело в том, что храм Асклепия одной своей стороной примыкал к скале Акрополя, и какого бы он ни был размера, стоя на Акрополе он никак не мог закрывать дом Прокла, который находился на некотором расстоянии не только от скалы Акрополя, но и от стои Эвмена. Вот эта последняя как раз и могла закрывать дом Прокла. Итак, после рассмотрения разных вариантов перевода этого неоднозначного пассажа, сойдемся на том, что Марин имел в виду следующее: «кто-либо, находясь на Акрополе, мог видеть дом с некоторым затруднением». Нам также важно, что данный литературный источник мог быть полезен для идентификации нового археологического объекта. И даже если этот источник испорчен, он тем не менее оказался единственной подсказкой.

Речь идёт о комплексе зданий на южном склоне Акрополя, расположенных между Одеоном Герода Аттика и театром Диониса. Этот комплекс, раскопанный И. Мелиадесом в 1955 году очень хорошо подходил под описание расположения дома Прокла у Марины. К сожалению, работы по изучению этого памятника были завершены лишь частично из-за постоянного давления со стороны градостроителей и требования привести улицу Дионисия Ареопгита в должный вид.

⁷ Подробно о разных вариантах перевода данной фразы и её интерпретациях см. [Rosán 1949, 30], [Karivieri 1994, 116–117, n. 11], [Frantz 1988, 43], [Thompson 1988, 43, n. 169], [Castrén 1991, 475], [Edwards 2000, 104, n. 329], [Saffrey, Segonds 2001, 34].

Ил. 1. План Афин V века н. э.⁸

Ил. 2. Улица Дионисия Ареопэгита, настоящее время. 2009. Фото автора

⁸ Иллюстрации и фотографии подготовлены автором, если не оговорено иное.

Ил. 3. Область раскопок в 1955 году. Источник: Frantz et al. 1988.

Согласно Донтасу, здание в его заключительном виде было построено в период между концом четвёртого и началом пятого веков. Раскопана была только северная часть, поскольку дальше простирается современная жилая застройка, под которой могла находиться другая часть дома, на что указывают остатки мозаичного пола (из статьи Донтаса (Dontas) в: *Ergon tes Archaialogikes Etaireias kata to 1955* (Athena) 5–14, процитировано у Икономидиса [Oikonomides 1977, 11–12].

Это был не обычный дом по афинским стандартам, – пишет Франц. – Большая комната открывалась в широкую апсиду (6,60 м в ширину, 4,40 м в длину); нижняя часть стены апсиды была покрыта мраморными облицовочными плитами. Над облицовкой стена становилась тоньше и в ней были сделаны семь ниш, подходящих для скульптур (также, как и в домах на склоне Ареопага). Пол в обеих частях комнаты был покрыт мозаикой с тщательно продуманным геометрическим рисунком. В апсиде уровень пола слегка повышался. Напротив внешней стороны восточной стены апсиды находилось небольшое святилище Кибелы, на что указывала находка статуи богини в нише стены [Frantz et al. 1988, 43].

Эта комната, расположенная рядом с входом в дом, была, по всей видимости, трансформирована в домашнее святилище. Жильцы дома повторно использовали для ритуальных целей скульптуры,

датирующиеся IV веком до н. э. Это был погребальный алтарь, с рельефными изображениями с трёх сторон, модель храма со статуэткой Кибелы внутри и рельефная пластина, вероятно, с изображением Асклепия. Погребальный алтарь был втиснут в небольшое пространство апсиды, на виду оставалась только одна сторона с рельефным изображением. Считается, что погребальный алтарь в своём новом положении использовался как алтарь для жертвоприношений Кибеле, чьё изображение располагалось прямо над ним. Сторона алтаря, которая оставалась на виду, изображала умершего в окружении философов – сюжет, который был воспринят владельцами дома как наиболее подходящий по своим функциям для философской школы⁹.

Уже во время раскопок археологи предположили, что это здание, обозначаемое теперь как Дом X (греческая буква *Chi*), может быть идентифицировано с тем, которым владела семья Плутарха, непосредственно связанная с именами основателей Афинской школы неоплатонизма, а именно Сириана и Прокла. Помимо самого факта, что это здание хорошо подходит под описание Марина, совершенно ясно и то, что оно принадлежит к тому типу строений, которые использовались в античности для приема аудиенций и проведения лекций и назывались «философскими школами». Также важно отметить, что этот дом был обитаем в течение всего пятого века, но был оставлен в шестом веке н. э. Это здание сейчас снова находится под землей, под пешеходной улицей Дионисия Ареопагита, а место, где оно было обнаружено отмечено памятной доской с описанием вышеизложенной гипотезы¹⁰.

Идентификация этого здания как дома Прокла подтверждается и другими богатыми находками (художественными изделиями и надписями), иллюстрирующими религиозные и интеллектуальные интересы его обитателей. Кроме святилища Кибелы, различных религиозных объектов (был найден даже жертвенный нож, вонзённый в шею поросёнка!)¹¹ и объектов повседневной жизни (лампы, вазы и т. д.), в самом здании и по соседству было найдено несколько статуй богов (включая статую Исида), портрет, предварительно идентифицированный как портрет философа, и надпись со словами σοφίας и βίωτον. Рядом с этим домом была найдена также

⁹ Подробнее о этом и соответствующие иллюстрации см. в нашей работе: Афонасин, Афонасина 2016.

¹⁰ "The house in question fits all the topographical specifications in the VP, and furthermore, its site, as far as it could be estimated from its scattered known parts, precludes the existence of anything comparable in the area..." [Frantz et al. 1988, 43].

¹¹ Подробнее об увлечении Прокла теургией и особенностях его религиозной практики см.: Афонасин, Афонасина 2016 и Afonasin 2019.

голова философа (некоторые считают, что Плутарха), датирующая-ся пятым веком н. э.¹²

Каривьеры [Karivieri 1994] считает, что после смерти Прокла родственники Плутарха пожелали вернуть этот дом себе, не исключено также, что он был существенно перестроен или покинут¹³. Поэтому следующим философам пришлось искать другое место для организации философской школы в Афинах, которое по мнению Полимии Атанасиади [Athanasiasiadi 1999] они обрели в домах на северном склоне Ареопага¹⁴.

Согласно одному анонимному источнику (*Expositio totius mundi*, ок. 350–362), описывающему состояние и достояние разных городов Ойкумены периода империи, Афины, в отличие от Коринфа, Остии или Апамеи, не могли похвастаться бурной коммерческой или политической жизнью. Однако Афины были не только городом истории, но также сохранили свой статус в качестве научного центра. Франц [Frantz et al. 1988, 38] отмечает, что многие свидетельства указывают на то, что высший класс Афин состоял почти полностью из интеллектуалов, а неоплатоническая школа пожинала плоды Платоновской Академии и в V – начале VI в. была одним из важных философских и научных институтов империи. Следует заметить, что в античности, впрочем, как и сейчас, дома в центре города стоили дорого, и сам факт того, что в них жили учителя философии (вероятно, получая за свою работу достойное вознаграждение), указывает на их статус в городе. Вспомним, что платоновская Академия располагалась за пределами городских стен. В связи с этим можно предположить, что платоники приобретали уважение и доверие со стороны властей постепенно, добившись определённого успеха и признания в рассматриваемый нами период.

Интересно также сопоставить необходимость или возможность обучать на дому с развитием некоторых архитектурных элементов. Археологические данные свидетельствуют о том, что Плутарх в момент основания школы построил совсем небольшой дом [Frantz et al. 1988, 44], к которому уже Проклом были пристроены две комнаты с апсидами. Апсида выполняла роль лекционного зала (или святилища). Отмечается также, что расширение дома могло быть связано с тенденцией поселять у себя учеников. Это ещё раз подкре-

¹² Данные объекты находятся по большей части в музеях Агоры и Акрополя. Подробнее о раскопках и находках на агоре см. [Camp 1994].

¹³ Не все с этим соглашаются. Так, Франц [Frantz et al. 1988, 44] считает, что размер дома был увеличен Проклом, и, возможно, он продолжал достраиваться и после него, вместе с возрастанием престижа и важности Академии. На это указывает как датировка мозаики (она не могла появиться там раньше середины V века), так и найденный неподалеку бассейн, который, возможно, был частью комплекса дома.

¹⁴ Подробнее о последних днях академии и обстоятельствах её закрытия см. [Cameron 1969].

пляет мысль о принадлежности этого дома, как и домов на северном склоне Ареопага, учителям. Сама возможность для интеллектуалов поселиться в центре города была чревата и другим обстоятельством. Центральное расположение философской школы, как отмечает Франц [Frantz et al. 1988, 46], могло быть выгодно для правительства, а именно должно было обеспечить своего рода контроль – если вы находитесь в центре, значит, вы так или иначе всегда на виду. Возможно, Платон когда-то думал так же и, чтобы избежать попыток со стороны государства вмешиваться в его деятельность или диктовать особые условия, он просто удалился от центра, продемонстрировав таким образом стремление к интеллектуальной независимости. Интересно, что спустя много веков идея создания научного центра вдали от города родилась и была воплощена в строительстве новосибирского Академгородка. Мне кажется, что создание особого рода условий, способствующих интеллектуальной деятельности, приводит к весьма положительным результатам. Не только Академгородок, но и многие другие известные университеты примерно с середины прошлого столетия начали выносить свои кампусы на городские окраины, резонно решив (а может быть, даже переняв опыт платоновской школы), что научная жизнь не терпит суеты, а учёные для большей результативности нуждаются в погружении в особую атмосферу свободного научного дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афонасин, Афонасина 2016 – Афонасин Е. В., Афонасина А. С. Нео-платонический Асклепий // *ΣΗΟΛΗ*. 2016. Т. 10. С. 260–280.
- Диллон 2005 – Диллон Дж. Наследники Платона: исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.) / Пер. с англ. Е. В. Афонасина. Санкт-Петербург, 2005.
- Туманс 2002 – Туманс Х. Будут ли у нас свои «Анналы»? // Жебелевские чтения-4. Тезисы докладов научной конференции 30 октября – 1 ноября 2002 года. Санкт-Петербург, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2002-10/tumans.htm> (дата обращения: 10.01.2019)
- Шичалин 2008 а – Шичалин Ю. А. Афинская школа // *Античная философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. М. А. Солоповой. Москва, 2008. С. 201–203.
- Шичалин 2008 б – Шичалин Ю. А. Плутарх Афинский // *Античная философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. М. А. Солоповой. Москва, 2008. С. 589.

- Юсупов 1994 – Юсупов Э. С. Словарь терминов архитектуры. Санкт-Петербург, 1994.
- Afonasin 2019 – Afonasin E. Neoplatonic Asclepius. *Platonism and Its Legacy*. Ed. by J. Finamore, T. Nejeschleba. Lydney, 2019. P. 159–172.
- Athanasiasiadi 1999 – Damascius. The Philosophical History. Ed. and transl. by P. Athanasiasiadi. Athens, 1999.
- Cameron 1969 – Cameron A. The Last Days of the Academy in Athens. *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 15. 1969. P. 7–29.
- Camp 1994 – Camp John McK. II. The Athenian Agora: A Guide to the Excavation and Museum. Athens, 1994.
- Castrén 1991 – Castrén P. A review of: Frantz A., Thompson H., Travlos J. The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIV: Late Antiquity, A. D. 267–700 (Princeton, N. J., 1988). *Gnomon*. 1991. Vol. 63. P. 474–476.
- Edwards 2000 – Edwards M. J. Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool, 2000.
- Frantz et al. 1988 – Frantz A., Thompson H., Travlos J. The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIV: Late Antiquity, A. D. 267–700. Princeton, N. J., 1988.
- Jones 1999 – Jones A. The Horoscope of Proclus. *Classical Philology*. 1999. 94. 1. P. 81–88.
- Karivieri 1994 – Karivieri A. The “House of Proclus” on the Southern Slope of the Acropolis. A Contribution. *Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Ed. by Castrén P. Helsinki, 1994. P. 115–140.
- Oikonomides 1977 – Oikonomides Al. N. Marinos of Neapolis. The Extant Works, or The Life of Proclus and the Commentary on the Dedomena of Euclid. Chicago, 1977.
- Ratté 1997 – Ratté C. A review of: von Thüngen S. F. Die frei stehende griechische Exedra (Mainz, Zabern, 1994). *American Journal of Archaeology*. 1997. Vol. 101. 1. P. 181–182.
- Rosán 1949 – Rosán, L. J. The Philosophy of Proclus. The Final Stage of Ancient Thought. New York, 1949.
- Saffrey, Segonds 2001 – Saffrey H. D., Segonds A.-P. Proclus ou Sur le bonheur, avec la collaboration de Concetta Luna (Collection des universités de France). Paris, 2001.
- Zhmud, Kouprianov 2018 – Zhmud L., Kouprianov A. Ancient Greek Mathēmata from a Sociological Perspective: A Quantitative Analysis. *Isis*. 2018. Vol. 109. 3. P. 445–472.

Материал поступил в редакцию 15.01.2019